

К нам идут помолиться душе человеческой

Культура. — 1995. — 16 сент. — с. 9.

Выступления Михаила Ульянова, председателя Союза театральных деятелей России, художественного руководителя Московского театра имени Евг. Вахтангова, на страницах "Культуры" в начале нового театрального сезона стали уже традицией. Год назад его монолог был окрашен горечью от нерешенных и неразрешимых проблем: трудности с финансированием, непростая жизнь стационарных театров, тяжелые условия существования Союза. Сегодня мы попросили Михаила Александровича поделиться своими мыслями о том, что же произошло за минувший год и нельзя ли взглянуть на театральную жизнь России с большим оптимизмом.

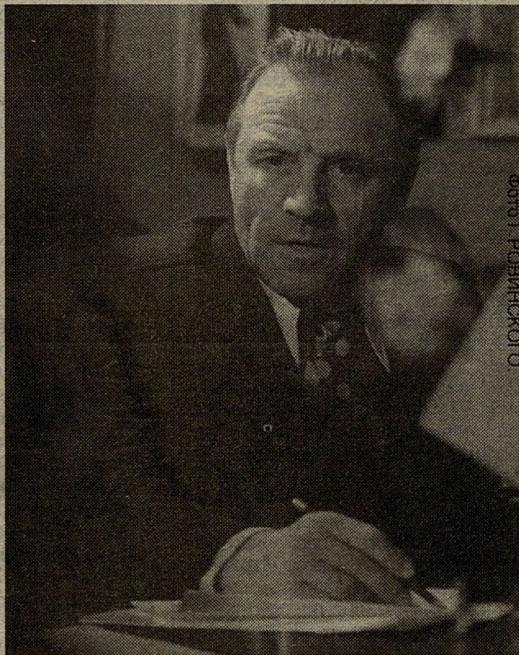

ФОТО Г. РОДИНСКОГО

ИЗ ПЕРВЫХ РУК

К сожалению, к лучшему ничего не изменилось. По-прежнему дотации театрам дают с большими перерывами. По-прежнему трещит стационарный корабль театра. Рухится понятие театра как семьи. Лучшие актеры играют на стороне, а сочетать эту коммерчески-творческую работу с планами театра бывает сложно. Сегодня это стало нормой.

Но более страшного ничего не произошло. Наоборот, театры стали привыкать к этой новой ситуации, искать иные формы жизни — спонсоров, фонды, единоразовую помощь или налаживание долговременных связей. Но самое главное, что художественные достоинства не стали ниже.

В чем же сегодня заключается интерес и театров, и зрителей? Прежде всего поняли, что простая фиксация того, что происходит за стенами театров, никому не нужна. Потому что в этой кутерьме, которая творится вокруг нас, понять что-либо,

найти доминанту, главную струну пока не дано никому.

Но тем не менее жизнь продолжается. Люди рождаются, вырастают, что-то строят, что-то разрушают. И мне кажется, что сегодняшнее постижение окружающего мира должно опираться на то хорошее и светлое, что еще осталось в человеке. Да, человек за последние несколько лет выявил такую жестокость своего существования, такую бессмыслицу, бездуховность, варварство. Но ведь не вымерли же мы все, что-то человеческое в нас осталось. И вот именно это сегодня больше всего привлекает зрителя. То, что стреляют, он знает; то, что убивают, он знает. А что еще существует в этом мире? Что может хотя бы утешить человека? Сегодня от театра требуется внести в нашу жизнь добро, надежду, тепло, веру, опору.

Парадоксально, но современных пьес теперь чудовищно мало. Либо это "чернуха", на которую никто не ходит, либо полная растерянность перед происходящим. Потому что, наверное, и классика пошла круп-

ным косяком. Именно в ней находят те слитки добра и надежды, которые необходимы. Человек, быть может, привыкает к жестокости и крови, но все-таки, погружаясь в эту клоаку, ему нужно за что-то держаться.

Сегодня у театров появилась еще одна возможность — право родиться. Раньше, во времена тоталитаризма, только с соизволения чиновника можно было открыть театр. Что, кстати, случилось крайне редко, потому что чаще закрывали. Хотя, конечно, право родиться — это еще не все. Выжить невероятно сложно, сгорает на этом огромное количество народа. И, к сожалению, пожар этот иногда уничтожает и очень хорошие начинания. Например, у Петра Фоменко — прекрасный молодой театр с большим духовным потенциалом. Но он до сих пор не может найти крышу над головой, а помочь некому. Так что выжить трудно, очень трудно.

Сейчас, если хотите, в организационном плане жить стало сложнее. Раньше не решишь вопрос в райкоме — пойдешь в горком, не решишь там — пой-

дешь в обком, и так до самого ЦК доходили. И, глядишь, что-то и пробивали. Сегодня ходить не к кому, никто ничего не решает, ни "верхи", ни "низы". Собачьи гонки по кругу, и все.

Сегодня в театре растет интерес к актеру. Очень долгое время было важным высказать свою точку зрения, идею. Режиссер порой значил куда больше, чем актер. А потом поняли, что ничего выше актера в театре нет. Вернулось стремление к мастерству, виртуозности, профессионализму. Начинает вылициваться вопрос: о чем? О человеке. А как? Мастерски, виртуозно. Тогда это театр.

В каком состоянии пребывает ныне наш Вахтанговский театр? В нормально трудном, не хуже и не лучше, чем другие. Мы — крепкий стационарный театр, держимся экономически и творчески. Конечно, стало сложнее. У нас ведь свой монастырь вахтанговский, со своим уставом. А он, этот устав, не всегда совпадает с тем, что творится за воротами монастыря. Это порой создает разные проблемы.

И главная из них — режиссура. Актеры-то у нас есть, замечательные мастера. А вот режиссеров не хватает. В театре остались только П.Фоменко и А.Кац. А у них свои трудности — и творческие, и организационные. Поэтому мы должны приглашать режиссеров, но обязательно мастеров, которые бы могли продвинуть наш театральный корабль вперед. Но таких раз-два, и обчелся, плохо с режиссурой в России! А делать "домашний театр" подсобными средствами не хочется. Это профанация, а не выход. Приглашение же настоящего художника складывается в такие "астрономические" цифры, что за голову хвататься. Это просто разорение. Гостиница стоит столько, что за эти деньги можно дом построить. Самолет — столько, что проще пешком дойти. Цены нас душат, как Лаокоона.

У Вахтанговского театра впе-

реды 75-летний юбилей, 13 ноября 1996 года. Мы готовим спектакль по повести А.С.Пушкина "Пиковая дама" в режиссуре П.Фоменко. Молодой режиссер А.Житинкин репетирует "Весельчаков" Н.Саймона с Ю.Яковлевым в главной роли. Наши актеры В.Шалевич и М.Воронцов ставят детский спектакль "Али-баба и сорок разбойников". Только что нам принес свою свежайшую пьесу Л.Зорин. Хотим найти режиссера, который бы ею загорелся. В мечтаниях у нас спектакль по пьесе Г.Бюхнера "Дантон", это современно и страшно. А.Кац, вероятно, будет ставить на малой сцене "Униженных и оскорбленных" Ф.Достоевского. Так что портфель у нас большой.

Несколько слов об СТД. В октябре 1996 года состоится очередная съезд, пройдут выборы нового секретариата. Сейчас Союз держится вполне пристойно. Все нормально, кроме одного — нас, как свора собак, догоняют цены и жрут нас. А ведь вся структура жизни СТД — дома отдыха, санатории, поликлиники, пионерские лагеря, фабрики, дома ветеранов сцены — все это требует содержания. Раньше, при советской власти, об этом не думали. Сейчас думают только об этом. Куда ни сунешься, везде эти проклятые миллионы. А где их брать, я не знаю, я не экономист.

Кстати, нужно сказать, что многие периферийные театры сегодня живут лучше московских. По очень простой причине — театр в городе один, и город ему помогает. Если, конечно, хорошая, умная голова у административной. И заводы помогают. И театры пристойно существуют, хотя и небогато. Многие города превратились в настоящие театральные центры.

Но главное, о чем я хотел сказать, — нельзя терять надежды. Ведь театр — это храм, куда идут помолиться душе человеческой. Не Богу, а именно душе.